

Практикой называют деятельность, которая выполняет задания, данные администрацией или заказанные за деньги. Теория архитектуры такой практике (проектной деятельности) не нужна. Архитекторы-проектировщики не случайно ее игнорируют. Известный парадокс «нет ничего практичнее хорошей теории», однако, может быть применим и в области архитектуры. Идея принципиальной независимости теории и практики в архитектуре (и не только) обосновывается тем, что невозможно заранее знать, каким образом теоретические идеи повлияют на практику. Ценность теоретических идей не уменьшается от того, что они в настоящий момент не применяются на практике и не имеют экономического эффекта.

Ключевые слова: теория; практика; проектная деятельность; архитектура. /

A practice is an activity that fulfils the tasks given by the administration or ordered for money. Such practice (design activity) does not need the theory of architecture. Architects-designers ignore it for a reason. The well-known paradox “there is nothing more practical than a good theory”, however, can be applied in the field of architecture. The idea of fundamental independence of theory and practice in architecture (and not only) is justified by the fact that it is impossible to know in advance how theoretical ideas will affect practice. The value of theoretical ideas is not diminished by the fact that they are not currently applied in practice and have no economic effect.

Keywords: theory; practice; design activity; architecture.

Архитектурная теория и практика / Architectural theory and practice

текст

Александр Раппапорт
(Латвия) /
text
Alexander Rappaport
(Latvia)

*Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Всё тут, да: тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь,
И правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.*

Евгений Баратынский

Известный афоризм Питера Дракера (или кого-то из великих системщиков второй половины XX века) гласит: «Нет ничего практичнее хорошей теории»¹. Афоризм этот содержит в себе парадокс, потому что считается, что практична не сама теория, а лишь результаты ее применения на практике. В сущности, этот афоризм можно понимать двояко. Либо в том, что теория практичнее самой практики – и тогда он кажется чем-то вроде доведения мысли до абсурда. Можно истолковать его с разъяснениями: развитие практики больше всего может зависеть от новой и хорошей теории, а не от частных методических и технических исправлений.

Спрашивается: применим ли он для искусства и архитектуры, философии; каковы границы или рамки его применения? Ведь всякая истина и всякий закон имеет границы применения, и если их нарушить, то смысл принципа или закона будет или утрачен, или обращен в заведомую глупость: спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Для архитектуры (и искусства) этот афоризм может считаться пригодным или непригодным в зависимости от позиции того, кто его произносит. Получается, что теоретики, скорее всего, его подтвердят, а практики в нем усомнятся.

В данном случае я, скорее как теоретик, готов утверждать, что как раз с позиции хорошего теоретика теория ничего для практики не дает и более того – не должна давать и дать не может.

Тогда зачем она нужна?

Вопрос законный, и ответ на него, который первым приходит в голову – НЕ ЗНАЮ.

Можно было бы на этом поставить точку, как говорят, перейти к следующему вопросу, поскольку дальше вроде бы и обсуждать нечего. Но это не так. Мы не можем дать утвердительного и ясного ответа на множество подобных вопросов. Например, для чего возник человек и зачем вообще существует человечество? Ответ будет примерно таким же: мы этого не знаем. Но из этого не следует, что человечество подлежит законному истреблению. Более того, мы не знаем даже, осмыслен и оправдан ли сам такой вопрос.

В таком случае позволительно спросить: кто санкционировал вопросы к теории с точки зрения ее полезности для практики? С тех пор, как всякая деятельность утратила свободу и стала скована узами оплаты, траты средств, административных санкций и пр., этот вопрос приобрел смысл не теоретический и не практический, а чисто условный – организационный: доход, эффект; и если они ее не приносят, то теорию закрывают. Занятия теорией, если они кем-то оплачиваются, должны приносить инвестору какую-то прибыль, пользу.

Так и рассуждали бы наши чиновники из академий и министерств, если бы не подозрение, что и сами они не вполне уверены в собственной практической полезности. И поэтому для того, чтобы, как говорят, не швыряться камнями в стеклянном доме, пытаются вопрос этот не обострять, а наоборот – смягчать.

Если же человек не нуждается в оплате и занимается какими-то теориями и философией за собственный счет, то ему такие вопросы и в голову не придут. Равно как и проблема измерения значимости теорий для какой бы то ни было практики. Он занимается теоретизированием для удовлетворения собственного любопытства.

В науке иногда так и шутят, что и математики, и физики удовлетворяют свое собственное совершенно индивидуальное любопытство за счет государства. Но в архитектуре это как-то не принято, хотя практика есть.

Чиновники ВАКа уже много лет назад стали требовать, чтобы все, кто защищает диссертации, указывали, какой экономический эффект народному хозяйству может дать эта диссертация. И по негласному сговору всех,

1. Автором этого парадокса называли психолога Курта Левина (1890–1947), физика Германа Гельмгольца (1821–1894), физика Макса Планка (1858–1947), химика Юстуса Либига (1803–1873), химика Роберта Бунзена (1811–1899), философа Иммануила Канта (1724–1804). Однако чаще всего называется имя австрийского физика Людвиг Больцмана (1844–1906), основателя молекулярно-кинетической теории (прим. редакции журнала Проект Байкал).

кто эти диссертации рассматривает, обычно принимают на веру совершенно бессмысленные оправдания ее нуждами народного хозяйства. Если бы не это скрытое сопротивление бюрократии своим собственным постановлениям, всей научной деятельности наших НИИ давно пришел бы конец.

Но в опровержение сказанному каждый может привести массу примеров. Скажут, что без теоретических результатов физики нельзя было бы построить бомбы, самолеты и пр.

Так что в НЕКОТОРЫХ областях этот принцип ИНОГДА успешно подтверждается. Но в некоторых других о нем и речи нет: кому нужна теория музыки, астрономия далеких галактик, расшифровка древней письменности, история всего чего бы то ни было. Например, история карточных игр или история культуры в целом. Какой-токой экономической эффект они могут дать?

Попробуйте измерить народнохозяйственный эффект «Феноменологии духа» или «Основных понятий» Вельфлина. ВАК бы такие работы зарубил на корню.

Практике, понятой как проектная практика, теория архитектуры, скорее всего, совершенно не нужна. И практики не случайно ее, как правило, игнорируют. Исключение составляют какие-нибудь теории золотого сечения, но обычно их используют те практики, которым вообще лучше было бы выбрать себе другую профессию.

Но прежде всего имеет смысл вопрос: что мы вообще можем понимать под практикой. В архитектуре под практикой понимают обычно архитектурное проектирование, хотя это только часть того поля, которое можно было бы назвать практикой. Например, воздействие архитектуры на человека есть тоже практика (не теория же и не история!). И вот в этой сфере практики даже теория, быть может, окажется не столь уж бессмысленной, хотя, поскольку в таком воздействии архитектуры уже нет субъекта и никто архитектуре это воздействие не оплачивает и не контролирует, то тут тоже было бы нелепо говорить о практике в обычном административно-экономическом смысле.

Стало быть, в административной философии практикой будут называть только деятельность, которая выполняет

какие-то задания, данные администрацией или заказанные за деньги.

Из такой практики сразу выпадает вся работа самопознания и рефлексии. Размышления о ценностях, кардинальный выбор жизненных позиций и стратегий, апелляция к совести... Но эти рефлексивные практики можно считать не менее важными для существования человека, государства, общества, чем обеспечение продовольствием или защита здоровья. Можно было бы предположить, что всякое развитие как таковое вообще нельзя отнести к практике в ее экономико-административном понимании, так как в нем трансформируются критерии оценки продуктов и предметов деятельности. Опыт показывает, что всякое размышление, способное вызвать развивающий эффект, вначале встречается с неодобрением, а чаще всего в стыки или общим непониманием.

Георг Кантор начал разрабатывать теорию множеств в психбольнице. Едва ли кто-нибудь стал бы субсидировать опыты над горохом Георга Менделя или размышления о космосе Циолковского.

Но это крайние хрестоматийные примеры, о которых уже много писано.

Мне же хочется обратить внимание на то, что в творческой деятельности архитектора и, возможно, любого художника существует интерес к теории, который никак к его практике не относится. Сергей Эйзенштейн, великий теоретик искусства, либо не применял свои теории на практике, либо делал это не совсем удачно. Но его теоретические идеи от этого ценности не теряют.

Поэтому я бы рискнул без доказательств (они невозможны) выдвинуть идею принципиальной независимости теории и практики и обосновать ее тем, что мы не только не знаем, но и не можем заранее знать, каким образом смогут теоретические идеи повлиять на практику. Эта неспособность, на мой взгляд, фундаментальна для понимания устройства социума и творческой деятельности, и ее непонимание ведет к тупиковым иллюзиям и дорогим ошибкам.

Но ценность теоретических идей от этого не теряет каких-то критериев или ориентиров. Она, может быть, не установлена с логической необходимостью и сведена к количественным показателям, но, тем не менее, удостоверена экспертным сообществом.

И эти оценки не беспочвенны. Они могут опираться на логическую непротиворечивость (хотя и она не всегда достаточна), на новизну идей или их действительную, а не мнимую парадоксальность.

Теория и математика

Попытка распространить значение теории в науке (прежде всего в физике) на архитектуру необходимо должна опираться на принцип идеализации. В физике этот принцип позволил создать великую механику XVII – XVIII веков. Принцип идеализации предполагает возможность отвлекаться от всех свойств предмета, кроме одного, доступного измерительным процедурам. Измерение же соотносится с идеализированной моделью, обычно представленной алгебраически или геометрически. Математическая модель позволяет производить преобразования, которые в дальнейшем сопоставляются с другими идеализированными свойствами объекта.

В архитектуре, однако, измерениям обычно подвергается сам объект, а факт идеализации состоит в том, что он затем выражается в графической модели или чертеже. В них отвлекаются от таких свойств архитектуры, как свет, цвет, фактура, вес и пр. В архитектуре остается только два возможных оперативных преобразования чертежа.

Первый – это пропорционирование; второй – модуляция, или подчинение чертежа определенному размерному модулю. Этот модуль может быть соотнесен с размера-

ми самого объекта (диаметр опор) или выбран независимо от размеров (метр). Единый модуль, положенный в основу проекций (плана или разреза), в таком случае превращается в некоторое подобие решетки, которая может интерпретироваться как частотная характеристика структуры объекта.

Эта частотная характеристика физически может соотноситься с единой строительной системы или структуры – например, с панелью балкой и пр. Все преобразования и идеализации, таким образом, соотношены с морфологией объекта, но не с символикой или феноменологией. Попытка обеспечить эту связь исходит из соотношения видимых размеров с пропорциональными отношениями, отвлеченными от смысловых характеристик, то есть опять-таки соотношенных только с чертежом. В таком случае зависимости между параметрами объекта полагаются не в строительной морфологии и не в оптике, а в чистой арифметике, в сфере чисел. Что же касается преобразований чертежа, то соотношения размеров в нем определяется только волей архитектора и принятыми (если они приняты) модулями решеток плана и разреза. Но соотносить числовые отношения с пространственными преобразованиями чертежа в таком случае можно только чисто формально, арифметически, основываясь на равных долях членения, на прогрессиях или функциях, например, функциях иррациональных отношений. Для оперирования с чертежом эти отношения безразличны, а их визуальное восприятие почти всегда либо искажено, либо недоступно. Поэтому можно указать только два оправдания такой идеализации.

Первое, практическое – средство обеспечить точное соответствие размеров постройки без применения чертежа и измерительных приборов его идеализации.

Второе – магическое, то есть веру в свойства чисел самих по себе. В основе всех теорий пропорционирования в теории архитектуры лежит именно второе, хотя основания их могли лежать в плоскости первого, практического оправдания. Что же до визуального восприятия, всегда искаженного перспективными сокращениями как по горизонтали, так и по вертикали, световыми эффектами и практическими смыслами частей сооружения, то они несоотносимы с точными числовыми отношениями и зачастую определяются примерными отношениями.

«Хорошие» пропорции в таком случае означают не точные иррациональные или рациональные отношения, а отсутствие явных диспропорций, которые определяются привычкой и никак не связаны с теорией чисел. Они могут определяться «на глазок», и погрешности отклонения от идеальных отношений никакой роли не играют. Важны только канонические представления о типах – например, пропорции вертикальных проемов (дверей) или горизонтальных (шага опор).

Что же до магии чисел, то она снимает вопрос об идеализации и в сфере действий проектировщика, назначающего размеры, и в сфере зрительного восприятия. Опытные результаты гештальтпсихологии здесь ничего не проясняют, так как неявно замыкаются на привычку к геометрическим построениям в технике или производстве орнаментов (то есть в редуцированном варианте музыки).

Все это позволяет нам сказать, что применение математики в архитектуре не соответствует схемам применения математики в идеальном моделировании физики. И отождествление этих идеализаций носит магический и метафорический характер.

Выводы из этого могут быть в отказе от этого направления идеализации и поисках иных вариантов идеализации, связанных не с математикой, а с языком или схемами когнитивной психологии. Или же в продолжении поисков идеализации за рамками частотных модуляций решеток.

Ни в том, ни в другом направлении пока что не достигнуто сколько-нибудь впечатляющих результатов.

Так что теория архитектуры остается, скорее, замкнутой на символическую и феноменологическую рефлексию, чем на объект. Вот в сфере этой символической рефлексии мы и обнаруживаем категории стиля, среды (композиции) и смысла, которые с математической идеализацией не связаны. А какова действительная природа их идеальной теоретической рефлексии, пока что мы не знаем. Архитектура остается столь же погруженной в тайну, сколь общество или индивидуальное сознание. И нам остается предположить, что между ними возможен резонанс, не выражаемый в числовой форме.

Одной из загадочных особенностей этой рефлексии все яснее становится несопоставимость ее с практическими интенциями и интуицией. Как будто здесь действует не закон соответствия и, следовательно, возможного применения, а закон трансценденции. Этот закон не имеет для нас ни явного математического, ни явного психологического смысла. Он лежит в какой-то иной социальной или индивидуальной онтологии, которую мы, за неимением лучшего, могли бы назвать онтологией архитектурных принципов деятельности.

Темпоральность взрыва

Отказываясь от числовых закономерностей, теория резонанса не отказывается от идеи масштабных соответствий и различий в масштабах. Архитектоника означает как раз пронизанность окружающего мира уровнями масштабных структур. В лесу масштаб деревьев, кустарников и трав – наглядное свидетельство разделения этих масштабных уровней, не исключающее нарушений для отдельных видов. В городах мы видим примерный масштаб сетки улиц, резко отличающийся от масштаба расчленения закрытых пространств домов. А внутри домов – различие в масштабах частного жилого дома и общественного сооружения. В системе расселения со времен Кристаллера мы находим суперпозицию структур населенных мест, в которых чем больше населенное место, тем масштабнее по своим размерам структура. Эти иерархии пространственных структур переживаются сознанием как своего рода тональные высоты – от инфразвуков огромных структур расселения до ультразвука членений тел насекомых.

Но существуют и темпоральные масштабы и структуры. Это прежде всего разного рода циклы. Нам близки и понятны такие циклические уровни, как сутки (день) или год. Женщины особенно чувствительны к месячным циклам. За рамками месяца мы ощущаем циклы сезонов, а то, что больше года, укладывается в поколения и возрасты – младенчество-детство- юность-зрелость-старость. Эти временные циклы далеки от равенства и ближе к прогрессиям: младенчество – 3 года; детство – 9 лет; юность – 12 лет; зрелость – 27 лет и далее.

Микроструктуры времени имеют в нашей технической культуре механические измерители – минуты, секунды... А в быденном языке их заменяет расплывчатое мгновение (взмах ресницы, как писал Мандельштам).

Резонанс разных масштабных структур подобен резонансу музыкальных тонов и способен вызывать в сознании нечто вроде созвучий.

К важнейшим когнитивным способностям можно отнести способность масштабных отождествлений. В архитектурном проектировании – это способность изображать большое в малом: создавать миниатюрные модели или чертежи. В языке – это метафоры уподобления малого и большого. В оккультной сфере – отождествление микрокосма и макрокосма («что сверху, то и внизу» – Гермес Трисмегист).

Эти масштабные уподобления позволяют сознанию сокращать усилия и мгновенно схватывать нечто, требующее много времени для постижения или прохождения

в краткое время визуального опыта или метафорического образа.

Собственно «теория» и оказывается такой крайне плотной упаковкой опыта. Поэтому ее греческое название – ТЕОРИЯ, «сосерцание» – прямо указывает на скорость симультанного визуального постижения структуры, противопоставленного темпоральному развертыванию в размышлении и пространственному развертыванию в путешествии.

Но именно эта свернутость теоретической формулы или идеи и противостоит практике, поскольку практика всегда имеет дело с временным развертыванием индивидуального случая, индивидуальной встречи обстоятельств. Практика неспособна воспринять мгновенность обобщения структур разных масштабов иначе как в интуиции. То есть в несловесном и неформульном постижении соответствий, в то время как теория есть не что иное, как сокращение опыта и его масштабов в знаках. Интуиция и теория в этом смысле и совпадают – как опыт свертывания и развертывания масштабных структур, и противостоят друг другу до несовместимости, так как осуществляются: одно – в знаках, другое – в переживании и открытии – откровении, включенном в процесс темпорального постижения и преодоления.

Поэтому сама возможность переноса формул теории в практику существует только там, где это темпоральное преодоление изъято из живого человеческого опыта и может быть сконструировано механическими средствами.

Сама по себе теория, как и практика, – суть вид конструктивного опыта. Теория строится как строится дом – из частей и связей. Но там, где практика сопряжена с самопознанием или симбиозом познания объекта сознанием и постижением сознания через объект и где невозможно исключить какие-то естественные масштабные уровни и ритмы процесса сознания и мышления, – там прямой перенос теоретического опыта в практику был бы или неосуществим, или губителен. («Но пред тобой, как пред нагим мечом, мысль, острый луч – бледнеет жизнь земная». Евгений Баратынский).

Суть проблемы в архитектуре и искусстве в том, что они имеют дело не с типовыми, а с индивидуальными объектами. Каждая картина художника и каждое музыкальное произведение творится как индивидуальный объект, и его типологическое обобщение никак не может быть связано с процессом индивидуации. Они лежат в полярных масштабных горизонтах.

Вот почему поэт, слагающий стихотворение – В ЭТОТ МОМЕНТ – не может сохранять идею теоретической поэтики; художник, работающий над мазком, не может синхронно представлять себе схему эволюции стилей и т. д. На время индивидуации все теоретические обобщения выносятся за скобки или скрываются в подсознании, интуиции, теряют свой видимый (теоретический) облик.

Если же это и происходит в каком-то уникальном теоретическом озарении, то говорить о практике тут вообще не имеет смысла, так как это скорее чудо, а считать, что теория есть лучшее подспорье чуду, конечно, можно, но вряд ли нас поймут.

Поэтому теория с точки зрения темпоральности есть некая поляризация масштабов, что можно сравнить со взрывом. Сгорание углеводов в печке и взрыв в ракетных двигателях – события контрастных темпоральных структур. И откуда человек – не механический мотор, а живое существо со своими темпоральными свойствами и особенностями; он не может принимать систему взрыва в качестве практического приема, за исключением гениальных озарений, в которых действительно теория и практика достигают симбиоза.

Иное дело – работа организаций как «мегамашин» деятельности. Для них вопрос о способности принять теоретические модели может быть вполне приемлемым.

В тех случаях, когда мы ориентируемся на практику как на процесс человеческой творческой деятельности (речь идет не о конвейере и не о мегамашине), то прямое включение теории в его темпоральность было бы трансцендентно – то есть либо неосуществимо, либо губительно. Что же касается постепенного погружения теоретических структур на дно сознания и их работы в сфере бессознательного, то такую возможность можно допустить. Но методологически проводить ее в качестве средства организации нельзя, так как бессознательное по самому определению нам недоступно в форме теоретического, то есть знакового и вербального представления. Даже если и принять вместе с Ж. Лаканом идею, что структурировано оно так же, как язык. Это рассуждение вновь выводит нас к проблематике индивидуального и типового.

В науке типовое и есть собственно теоретическое, изолирующее себя от индивидуальных отклонений. В архитектуре типовое оказалось продуктом внедрения формулы в работу мегамашин проектной деятельности и машин самого сознания – в частности, в понятии стиля.

Поэтому в ходе детального анализа понятия стиля все эти вопросы вновь и вновь окажутся на первом плане.

Последнее, что можно сказать, – это отношение темпоральных сдвигов в масштабах – сама проблематизация. Теория ведь оказывается сферой метафорического переноса проблематики. Проблематика же, как онтологически свободная категория, синтезирует субъекта и объект деятельности и рождает то, что можно назвать эвристическими схемами.

Так что тут теория предстает как онтология схем, которые все еще очень мало нами поняты, хотя и применяются почти повсеместно. В этом отношении опыт и практика самой работы в сфере теории может оказаться способом интенсификации проблематизации и тем самым подготовкой сознания к откровениям деятельности, к открытиям. И в таком случае метафора темпорального взрыва утратит свой разрушительный смысл и, напротив, приблизит его к смыслу интенсификации созидательной деятельности.

Отсюда теоретическая рефлексия схематики мышления вырастает в качестве одной из первоочередных проблем самой теоретической рефлексии.

Литература

1. Раппапорт, А. Г., Сомов, Г. Ю. Форма в архитектуре. Теории и методология. – Москва : Стройиздат, 1990. – 344 с.
2. Раппапорт, Александр. Почему не развивается теория архитектуры // Проект Байкал. – 2022. – № 72. – С. 161–162.
3. Евгений Баратынский. Всё мысль да мысль! – URL: <https://www.culture.ru/poems/26031/vsyo-mysl-da-mysl> (дата обращения: 10.09.2023).

References

- Baratynsky, E. (1840). *Vse mysl da mysl! [Thought, yet more thought!]*. Retrieved September 10, 2023, from <https://www.culture.ru/poems/26031/vsyo-mysl-da-mysl>
- Rappaport, A. (2022). Why architectural theory is not developing. *Project Baikal*, 19(72), 161-162. <https://projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/2128>
- Rappaport, A. G., & Somov, G. Yu. (1990). *Forma v arkhitekture. Teorii i metodologiya [Form in Architecture. Theories and methodology]*. Moscow: Stroyizdat.